

УДК 101

DOI: 10.34670/AR.2022.58.69.021

Становление мультитемпоральности современного мира: социально-философский анализ

Равочкин Никита Николаевич

Доктор философских наук, доцент,
главный научный сотрудник Лаборатории цифровой антропологии медицинских систем
Сибирский государственный медицинский университет
634050, Российская Федерация, Томск, Московский тракт, 2;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается становление мультитемпоральности современного мира, оформившейся в условиях резкой разнонаправленности социальных процессов в национальных государствах. Аргументирована связь между изменениями восприятия времени и онтологическими сдвигами социальности. Изучены варианты концептуализации времени в западноевропейской философии, которые представлены в форме круга, линии и точки. Отмечены особенности восприятия мира в Постмодерне. С учетом модернизации предлагается версия нескольких часовых поясов, что лежит в основе темпоральности. Демонстрируется, что социально-философский подход позволяет разработать предельные основания для последующих исследований национально маркированной темпоральности в эмпирических контекстах для прояснения имеющихся многочисленных противоречий.

Для цитирования в научных исследованиях

Равочкин Н.Н. Становление мультитемпоральности современного мира: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 5А. С. 174-182. DOI: 10.34670/AR.2022.58.69.021

Ключевые слова

Мультитемпоральность, социальность, время, страна, культура.

Введение

Философские исследования времени всегда стоят особняком хотя бы по причине неоднозначности его восприятия. Здесь уместно вспомнить и такие когнитивные пары, как, например, «синхроническое – диахроническое» или же «статичность – презентизм». Одно становится ясным: метаморфозы в восприятии пространственно-временных категорий всегда сопряжены с социальными трансформациями. В частности, линейное время сменило цикличное по причине усиления христианской религии. Другим примером можно полагать феномен измеряемого времени, появившегося на фоне индустриализации. Тем самым социальность и темпоральность – это такие категории, нахождение которых в синкретизме, по нашему мнению, более чем самоочевидно. Свидетельством тому – произошедший «темпоральный поворот», привлекая множество исследователей [Равочкин, 2022]. Целью исследования выступает изучение мультитемпоральности, ее влияния на формирование национальной ментальности и ключевых идей, сформированных в рамках культурных моделей.

Концептуализация времени в западноевропейской философии

Восприятие настоящего существенно изменялось на протяжении хода исторического развития, о чем было написано в одной из наших ранних работ:

- 4) В эпоху Античности настоящее (как, впрочем, и время в целом) было статично, восприятие времени может быть охарактеризовано фразой Горация «*carpe diem*», или «лови день», призывающей к наслаждению жизнью и полноте бытия «в настоящем», вследствие чего базисная категория изучения времен интерпретировалась как «теперь» [Сапожникова, 2016, 138].
- 5) В Средневековье, как уже было отмечено, цикличное время сменяется линейным. Четкое понимание людьми таких временных точек, как «начало» и «конец», по сути, свидетельствовало о вступлении человечества в историю необратимого социального времени.
- 6) Переход к Новому времени и начавшаяся индустриализация потребовали синхронизации совершаемых людьми и машинами действий и операций, что в свою очередь предполагало формирование некой «ментальносоциальной модели восприятия времени» в виде, к примеру, векторной версии [Стэндинг, 2014, 206-210]. Акцент на ценности такого времени можно увидеть через его без преувеличения прагматическую определенность в самых различных вариантах: ежедневники, календари, механические часы, расписание – все это интегральным способом привело к организованности вовлеченных в производственные процессы людей и слаженности их действий [Равочкин, Гилязов, Щенников, 2021].

Следует сказать, что темпоральность сочетает в себе множественные характеристики, как то «линейность» и «разноупорядочивание», а также многочисленные комбинации биологического и социального. Конструирование темпоральности вообще стало средством организации динамического социального бытия. Одним из нововременных теоретиков, обосновавших с позиции философии линейность времени, является И. Кант. Так, его аксиоматика схватывает три основных магистрали: (1) последовательность существования «различных времен», что говорит о наличии лишь одного измерения; (2) атрибутивный характер множества времен по отношению к единственному наблюдаемому в данный момент; (3) любая

из принятых в обществе величин времени – лишь обоснованное ограничение какого-либо одного времени [Кант, 2015, 55].

Данные положения укладываются в дух неограниченных возможностей разума и хотя они не допускают мультитемпоральность, но все же выступают фундаментом для оформления таких исторически близких теорий исторического времени, куда относятся гегельянская и марксистская, в которых, как известно, ярко выражены «единственность» и «стадиальность». Образ набирающего скорость «поезда» способствует тому, что уже в трудах Маркса можно увидеть предпосылки распада некогда единой «стрелы времени» на несколько темпоральностей. Беспрецедентный характер трансформаций социальных порядков XIX в. также постепенно приводил к «темпорализации истории». Так, по причине все большего количества расколов между естественной историей и историей человечества произошла деструкция хронологии [Морфино, 2021, Равочкин, 2022].

Однако коренные онтологические сдвиги де-факто лишили человека многочисленных паззлов (главным образом прогрессивных и эволюционных частей), составлявших целостную картину мира и тем самым оставив его «вне истории», но в расщепленном времени и пространстве: «Природа уже более не говорит ему о сотворении или о конце мира, о его подвластности или о предстоящем судном дне – теперь она говорит лишь о своем природном времени; богатства уже более не свидетельствуют ни о прошлом, ни о будущем золотом веке, они говорят лишь об условиях производства, изменяющихся в Истории» [Фуко, 1994, 387]. Утрата прошлого лишила человечество устремленности в будущее, привела к утрате интенций дальнейшего развития, что, конечно же обусловило необходимость их поиска «деисторизированными» людьми [Фуко, 1994].

Постмодерн сжал время буквально до масштабов микровеличины, превратив его в тотальное «сейчас», но лишив векторов «прошлое» и «будущее» Историзм трансформируется в презентизм, означая ориентированность субъекта на так называемый «мгновенный мир» / «тепертизм», заменяющий в том числе и долгосрочное планирование и целеполагание, что в свою очередь сопрягается с вызовами перманентного развития и реагирования на многочисленные детерминанты [Hartog, 2015].

Любопытны различные интерпретации презентизма, в частности, понимание того, что «настоящему удалось распространиться и укорениться как в будущем, так и в прошлом. В первом случае — через осознание предосторожности и ответственности за действия и их суммарный эффект, то есть через признание непоправимого и необратимого благодаря феноменам наследия и долга, причем последний цементирует и придает смысл целому миру. В прошлое же — за счет преемственности и привнесения в наличные реалии таких концептов, как ответственность и память, интенции по сохранению и транслированию наследия, а также отмена сроков давности и уже упомянутый долг» [Hartog, 2015, 201]. Презентизм указывает лишь на себя, постмодернистское время уже нельзя изобразить в прежних формах, но лишь как «пульсирующую точку», или же «черную дыру во времени: он (*презентизм*) поглощает как свое прошлое, так и свое будущее» [Лоренц, 2021, 43]. При этом важно, что презентизм не един: «Презентистское настоящее никоим образом не унифицировано, не прочерчено четко, а переживается очень по-разному в зависимости от социальной позиции того или иного человека» [Лоренц, 2021, с. 51].

При этом существующий образ будущего, представленный в сознании личности, воспринимается не как обещание будущего, не как движение вперед, поступательное эволюционное развитие, прогресс (как это было в индустриальном обществе), но как ожидание

надвигающейся «угрозы» или вообще «катастрофы». При этом глобальные, неотвратимые и необратимые катастрофы (климатическая, экологическая, ядерная) уже представлены в настоящем, а принятие решительных мер способно лишь замедлить их наступление или минимизировать негативные последствия, но никоим образом не обратить их вспять, во многом по причине их комплексного характера [Hartog, 2015, 197-204]. Соответственно, сегодня «поезд истории теперь ощущается как идущий в решительно неверном направлении – он теперь не прогрессивно движется вперед, как во времена модерна, а несется в пропасть (и, как показали еще уроки Первой мировой войны и Вальтер Беньямин, пропасть эта может быть достаточно глубокой, чтобы похоронить всех)» [Лоренц, 2021, 41-42].

В соответствии с этим можно сделать вывод, что философские представления о времени со времен Античности до наших дней кардинально изменились. Темпоральность – это не более, чем восприятие времени, или взгляд человека на «прошлое – настоящее – будущее», сформированный во многом социальным укладом жизни и господствующим мировоззрением. Сегодня время «не простирается на всю Вселенную, оно подобно окружающему нас пузырю» [Ровелли, 2020]. По сути, абсолютное большинство представлений о времени (по крайней мере, в рамках западноевропейской философской традиции) сводятся к небольшому набору геометрических элементов: круг, линия и точка. Впоследствии к ним присоединилась «пульсирующая точка». Как уже неоднократно подчеркивалось, круг восходит к античным грекам, линия – к христианству, а ее упорядоченность и придание значимости тем или иным отрезкам – Новому времени, тогда как «пульсирующая точка» – это достижение Постмодерна. Любопытно, что концептуализация времени в виде фигур представляется возможной исключительно при исключении гипотезы о множественности времен [Морфино, 2021, 139]. Однако сегодня полное отрицание идеи множественности времен все чаще подвергается критике, а постмодернистское понимание времени как пульсирующей точки акцентирует внимание на мультитемпоральности, выходит, что мировое время может существовать исключительно в форме множества различных темпоральностей и так называемых обусловленных скоростью «часовых поясов».

Мультитемпоральность: опыт практического изучения

Огромный вклад в понимание отсутствия единства и универсальности времени в точных науках был внесен Эйнштейном. Он доказал, что время по-разному течет на горе и у ее подножия. Более того, у людей вовсе не «два времени, <...> их легионы. Свое время для каждой точки пространства. Нет единого времени. “Времен” бесконечно много» [Ровелли, 2020]. Эйнштейн обогатил физическую науку рядом уравнений, позволяющих описывать, каким же образом собственное время одного явления развивается по отношению к собственному времени явлений других. Время, соответственно, не только ни едино, ни универсально, ни циклично, ни линейно, но утрачивает свое единство в синхроническом аспекте и «разворачивается в целую паутину разных “времен”» [Ровелли, 2020].

Не едино время и в аспекте диахроническом, т. е. понимания как стрелы, обращенной из прошлого в будущее. Л. Больцман сумел увидеть в стакане воды движение молекул, объяснив основные различия между теплым и холодным объектом. Принимая во внимание указанное положение, прошлое может лишь казаться более «упорядоченным», «холодным», чем будущее, о чем пишет К. Ровелли: «Если я наблюдаю за микроскопическим состоянием дел, разница между прошлым и будущим исчезает» [Ровелли, 2020]. Будущее мира определяется прошлым

не в меньшей степени, чем настоящим. Разумеется, современная наука говорит о наличии причинно-следственных связей, но «в элементарной грамматике вещей нет разницы между “причинами” и “следствиями”» [Ровелли, 2020]. При этом сами категории «причина – следствие» зачастую подвергаются критической ревизии, а при составлении новых описаний времени в микротерминах провести демаркационные линии между прошлым и будущим весьма затруднительно. Хотя бы по причине того, что время конституирует себя как субъект истории исключительно через путь создания истории вещей и слов [Фуко, 1994].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что само наличие прошлого и будущего, восприятие стрелы времени сегодня не столь общепризнано, что граница между тремя составными периодами времени сегодня размыта, а временная форма, связывающая события, которые следуют одно за другим, не темпоральна, но, по мнению Р. Коллингвуда, «квазитемпоральна» [Collingwood, 1951, 15]. Таким образом, и в философии, и в точных науках говорится об отсутствии единства времени, о том, что оно не едино в обоих аспектах, а также не является общим для людей, проживающих сегодня и воспринимающих прошлое и будущее. Различия между настоящим, прошлым и будущим имеют не онтологическую, а социокультурную природу [Лоренц, 2021, 56]. Можно говорить о множественных версиях прошлого и будущего относительно к многочисленным вариантам настоящего. Расположить социальные группы, события и процессы в одном «слое времени» в принципе представляется невозможным.

Однако отдельно хотелось бы сказать, что концепт мультитемпоральность не может полностью перечеркнуть и тем самым оставить в прошлом круг и линию, само понимание того, что временная стрела может распадаться на множество несвязанных между собой линий требует предположения того, что эта временная линия существует, «усилие, которое нужно предпринять, развивая традицию множественной темпоральности, состоит в том, чтобы помыслить саму непрерывность (основу стадияльной и прогрессистской истории) в ее сложности и контингентности» [Морфино, 2021, 166]. В соответствии с этим нельзя определить мультитемпоральность и презентизм не обращаясь к образу стрелы и режимам историчности.

Национальная маркированность темпоральности

Как было выявлено ранее, восприятие времени не едино, оно по-разному течет на различных этапах исторического развития и воспринимаются теми или иными субъектами, уникальным образом конструируя социальность. Важно отметить, что для философии признание множественности темпоральностей представляет собой не только теоретическую, но и практическую проблему. В частности, сегодня одними из широко функционирующих являются концепты «Европы разных скоростей», «развитых и развивающихся стран», «первого, второго, третьего миров», прямым образом указывающих на множественность времен, в которых проживают государства и их население. Исследователи связывают истоки становления нации-государства в современном ее понимании с появлением академической истории [Angehrn, 1985].

Разумеется, что сама история возникла намного раньше, «еще с эллинских времен она выполняла в западной культуре ряд важных функций: памяти, мифа, передачи Речи и Образа, носителя традиций, критического осознания современности, расшифровки судьбы человечества, предвосхищения будущего или предварения возврата» [Фуко, 1994, 386]. Однако вплоть до XIX в. история была статичной, поскольку повсеместно мы «видим обширную историю, гладкую и единообразную в каждой своей точке, вовлекающую в единый сдвиг,

единое низвержение или восхождение, в единое круговращение всех людей, а вместе с ними вещи, животных, живую и неживую природу, вплоть до самых неподвижных обликов земли» [Фуко, 1994, 386].

Лишь в XIX столетии очевидным стало, что социальная история живет в иной темпоральности, чем природная, произошла «денатурализация» истории, сформировалась академическая история, функции которой уже не сводились к памяти, мифу и передаче, а «буржуазия обнаружила в летописи своей победы историческую толщу социальных институтов, груз привычек и верований, неистовство битв, чередование побед и поражений» [Фуко, 1994, 387]. Само становление академической истории на протяжении длительного времени воспринималось как средство познания прошлого, а также поисков истоков собственной национальной идентичности.

Вместе с тем, познание прошлого носит не только теоретический характер, а сама история, по сути, имеет прикладное значение, выступая определенным руководством к действию и сообразование актуальных поведенческих паттернов. Как отмечают исследователи, любая теория о человеке при его вхождении в общество становится личностно значимой, как правило, побуждая индивида алгоритмизировать свое поведение определенным образом – примерно так, как если бы теория была правдой. Идеи и идеалы находят свое утверждение в эластичных рамках истории – их цена выражается в неточном характере истин, особенно когда идет речь о прошлом и настоящем. Историческое прошлое во многом детерминирует настоящее и будущее, формируя особенности национальной ментальности и определяя место и роль отдельных государств на геополитической карте на конкретном временном отрезке. Общая история и какие-либо конвенциональным образом установленные универсальные истины необходимы культурам главным образом для выживания, поскольку именно они создают внутригрупповую солидарность и функционируют как «социальный цемент» различных общностей. Весь плюрализм сообществ, от корпоративных объединений до религиозных, от сообществ по интересам до этнических групп – все они пребывают в географических границах, от племен до современных наднациональных альянсов, обретают собственную идентичность и сплоченность на каких-либо общих идеях, нормах, правилах, практиках и институтах [McNeill, 1986, 7-8].

На протяжении XIX-XX вв. для большинства профессиональных историков изучение прошлого не представлялось возможным без обращения к идентификации с национальными странами, что может объясняться, прежде всего, тем фактом, что само становление профессиональной истории иницировалось и поддерживалось государством, которое «буквально вскармливало профессиональных историков» (Lorenz, 2008, с. 36). Отсюда представляется логичным, что прошлое всегда неразрывно с особенностями национального характера. Вдобавок к этому, эта история, как и настоящее с будущим не будут универсальными и тем более едиными, поскольку переживание темпоральности всегда индивидуально и культурно обусловлено.

Вместе с тем, справедливо отметить, такое становление истории накладывало на мыслителей определенные обязательства, соответственно, возникают допускаются абсолютно любые сомнения относительно достоверности созданной истории, что в свою очередь актуализирует проблему разграничения мифа и истины. Наличие мифов и «квазиистории» приводит к тому, что большие социальные группы людей «проявляют симптомы острого дистресса перед лицом моральной неуверенности, вызванной воздействием конкурирующих мифов» [McNeill, 1986, 9-10]. Важным замечанием является следующий момент: мультитемпоральность зачастую может сопровождаться острыми кризисами идентичности. Ряд

проведенных исследований позволяет сделать вывод о темпоральном отставании незападных обществ от западного модерна, причинами чему вполне правомерно полагать такие негативные маркеры, как, к примеру, колониализм или же расизм [Bhabha, 1994; Chakrabarty, 2000].

Заключение

Итак, восприятие темпоральности как отстающей или опережающей во многом сформировано самими конструирующими историю субъектами, которые делают излишние акценты на правильности своих представлений о темпоральных стандартах и векторах развития, тем самым ранжируя остальные культуры, а порой и вовсе укладывая их в бинарные оппозиции «правильно – неправильно» развивающиеся. Между тем, на современном этапе исторического развития глобального социума, да еще и с учетом мультикультурализма, происходит переосмысление самих государств и их позиций с учетом их реальной включенности в международные отношения и исходных позиций. Вследствие этого целесообразно обратиться к изучению особенностей переживания темпоральности в разных культурах, что позволит сделать вывод о наличии / отсутствии различий в восприятии, переживания времени в современном глобальном мире, отличающемся нивелированием границ между пространством и временем, культурами и странами.

Библиография

1. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2015. – 567 с.
2. Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 31-64.
3. Морфино В. Чесать марксистскую традицию против шерсти // Логос. – 2021. – Т. 31. – № 4. – С. 137-170.
4. Равочкин Н.Н. Мультитемпоральность современного мира: философский анализ // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 8 (171). – С. 520-521.
5. Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Щенников В.П. Влияние пандемии COVID-19 на изменения темпоральности и социальности: социально-философский анализ // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 119-135.
6. Ровелли К. Срок времени. М.: Corpus, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://bookzip.ru/reader/4941/4/> (Дата обращения: 02.09.2022)
7. Сапожникова Л. М. Эволюции идеи темпоральности – от круговорота Античности к линии Средневековья // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1. – С. 137-142.
8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем, 2014. – 328 с.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – СПб.: А-сэд, 1994. – 408 с.
10. Angehrn E. Geschichte und Identität. – В.: Walter De Gruyter, 1985. – 397 S.
11. Bhabha H. The Location of Culture. – L.; N.Y.: Routledge, 1994. – 444 p.
12. Chakrabarty D. The Climate of History: Four Theses // Critical Inquiry. – 2009. – Vol. 35. – № 2. – pp. 197-222.
13. Collingwood R.G. The Idea of History. – Oxford: Clarendon press, 1951. – 339 p.
14. Hartog F. Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time. N.Y.: Columbia University Press, 2015. – 288 p.
15. Lorenz C. Drawing the Line: "Scientific" History Between Myth-Making and Myth-Breaking // Narrating the Nation. Representations in History, Media and the Arts. – N.Y.; Oxford: Bergahn, 2008. – pp. 35-55.
16. McNeill W.H. Mythistory, vii: 'As a young man, I thought methodology was a waste of time' // American Historical Review. – 1986. – Vol. 91. – № 1. – pp. 1-10.

Modern world multitemporality formation: a socio-philosophical analysis

Nikita N. Ravochkin

Doctor of philosophical sciences, associate professor
senior researcher of laboratory of medical systems digital anthropology
Siberian State Medical University
634050, 2, Moscow tract, Tomsk, Russian Federation;
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Abstract

The article deals with the formation of the multitemporality of the modern world, which took shape in the conditions of a sharp multidirectionality of social processes in national states. The connection between changes in the perception of time and ontological shifts in sociality is argued. The variants of conceptualization of time in Western European philosophy, which are presented in the form of a circle, a line and a point, are studied. The features of perception of the world in the Postmodern are noted. Given the modernization, a version of several time zones is proposed, which underlies temporality. It is demonstrated that the socio-philosophical approach allows developing the ultimate foundations for subsequent studies of nationally marked temporality in empirical contexts in order to clarify the existing numerous contradictions.

For citation

Ravochkin N.N. (2022) Stanovlenie mul'titemporal'nosti sovremennogo mira: sotsial'no-filosofskii analiz [Modern world multitemporality formation: a socio-philosophical analysis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (5A), pp. 174-182. DOI: 10.34670/AR.2022.58.69.021

Keywords

Multitemporality, sociality, time, country, culture.

References

1. Kant I. (2015) *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow: Academic project.
2. Lorenz K. (2021) Vne vremeni? Kriticheskie razmyshleniya o prezentizme Fransua Artoga [Out of time? Critical Reflections on Presentism by François Artogague]. *Logos* [Logos], 31, 4, 31-64.
3. Morfino V. (2021) Chesat' marksistskuyu tradiciyu protiv shersti [To scratch the Marxist tradition against wool]. *Logos* [Logos], 31, 4, 137-170.
4. Ravochkin N.N. (2022) Mul'titemporal'nost' sovremennogo mira: filosofskij analiz [Multitemporality of the Modern World: Philosophical Analysis]. *Evrasijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 8 (171), 520-521.
5. Ravochkin N.N., Gilyazov R.Sh., Shchennikov V.P. (2021) Vliyanie pandemii COVID-19 na izmeneniya temporal'nosti i social'nosti: social'no-filosofskij analiz [Impact of the COVID-19 pandemic on changes in temporality and sociality: socio-philosophical analysis]. *Sociodinamika* [Sociodynamics], 4, 119-135.
6. Rovelli C. (2020) *Srok vremeni* [Term of time]. Moscow: Corpus. [E-source]. URL: <https://bookzip.ru/reader/4941/4/> (Date of access: 02.09.2022)
7. Sapozhnikova L.M. (2016) Evolyucii idei temporal'nosti – ot krugovorota Antichnosti k linii Srednevekov'ya [Evolution of the idea of temporality - from the cycle of Antiquity to the line of the Middle Ages]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], 1, 137-142.
8. Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [Precariat: a new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem.

9. Foucault M. (1994) *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities]. Saint-Petersburg: A-cad.
10. Angehrn E. (1985) *Geschichte und Identität*. B.: Walter De Gruyter.
11. Bhabha H. (1994) *The Location of Culture*. L.; N.Y.: Routledge.
12. Chakrabarty D. (2009) The Climate of History: Four Theses. *Critical Inquiry*, 35, 2, 197-222.
13. Collingwood R.G. (1951) *The Idea of History*. Oxford: Clarendon press.
14. Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity. Presentism and the Experiences of Time*. N.Y.: Columbia University Press.
15. Lorenz C. (2008) Drawing the Line: "Scientific" History Between Myth-Making and Myth-Breaking. *Narrating the Nation. Representations in History, Media and the Arts*. N.Y.; Oxford: Bergahn, pp. 35-55.
16. McNeill W.H. (1986) Mythistory, vii: 'As a young man, I thought methodology was a waste of time'. *American Historical Review*, 91, 1, 1-10.